

A decorative rectangular border with intricate, symmetrical floral and scrollwork patterns in each corner, framing the central text.

ФЕДОР КУЗЬМИЧ
СОЛОГУБ

ФЕДОР КУЗЬМИЧ
СОЛОГУБ

Тяжелые сны

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Серия «Русская классика»

Серийное оформление и дизайн обложки *Р. Алеева*

Сологуб, Федор Кузьмич.
С60 Тяжелые сны : [сборник] / Федор Кузьмич Сологуб. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 640 с. — (Русская классика).

ISBN 978-5-17-186878-9

«Тяжелые сны» — во многом автобиографичный и очень личный роман для Сологуба.

В центре повествования — учитель Логин, романтик и мечтатель, живущий в провинциальном городке, в котором ему нет места. Его жизнь — это череда серых, монотонных дней, и со временем его скука порождает безумие. Логин мечется между реальностью и видениями, все сильнее погружаясь в мир тяжелых снов...

В издание также вошли сборники «Книга разлук» и «Книга очарований», это избранные рассказы, новеллы и легенды, опубликованные в 1908 и 1909 годах.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186878-9

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Тяжелые сны

1895

Предисловие автора к третьему изданию

Роман «Тяжелые сны» начат в 1883 году, окончен в 1894 году. Напечатан в журнале «Северный вестник» в 1895 году, с изменениями и искажениями, сделанными по разным соображениям, к искусству не относящимся. Отдельно напечатан первым изданием в 1896 году, но и тогда первоначальный текст романа не вполне был восстановлен по тем же внешним соображениям. Для третьего издания в 1908 году роман вновь просмотрен автором и сличён с рукописями; редакция многих мест изменена. Много лет работать над романом — а всякий роман не более как книга для легкого чтения, — можно только тогда, когда есть надменная и твердая уверенность в значительности труда. Проходят долгие, тягостные дни и годы, и всё медлишь, и не торопишься заканчивать творение, возникающее «*lentement, lentement, comme le soleil*».

Создаем, потому что стремимся к познанию истины; истинною обладаем так же, в той же мере и с тою же силою, как любим. Сгорает жизнь, пламенея, истончаясь легким дымом, — сжигаем жизнь, чтобы создать книгу. Милая спутница, изнемогая в томлениях суровой жизни, погибнет, и кто оценит ее тихую жертву? Посвящаю книгу ей, но имени ее не назову.

Сентябрь 1908 года

Глава первая

Начало весны. Тихий вечер... Большой тенистый сад в конце города, над обрывистым берегом реки, у дома Зинаиды Романовны Кульчицкой, вдовы и здешней богатой помещицы...

Там, в доме, в кабинете Палтусова, двоюродного брата хозяйки (впрочем, никто в городе не верит в их родство), играют в винт сам Палтусов и трое солидных по возрасту и положению в нашем уездном свете господ. Их жены с хозяйкою сидят в саду, в беседке, и говорят, говорят...

Хозяйкина дочь, Клавдия Александровна, молодая девушка с зеленоватыми глазами, отделилась от их общества. Она сидит на террасе у забора, что выходит на узкую песчаную дорогу над берегом реки Мглы. С Клавдией один из гостей: он в карты не играет.

Это — Василий Маркович Логин, учитель гимназии. Ему немного более тридцати лет. Его серые близорукие глаза глядят рассеянно; он не всматривается пристально ни в людей, ни в предметы. Лицо его кажется утомленным, а губы часто складываются в слабую улыбку, не то лениво-равнодушную, не то насмешливую. Движения его вялы, голос незвонкий. Он порою производит впечатление человека, который думает о чем-то, чего никому не скажет.

— Скучно... Жить скучно, — сказал он, и разговор, казалось, интересовал больше Клавдию, чем его.

— Кто же заставляет вас жить? — быстро спросила Клавдия.

Логин подметил в ее голосе раздражение и усмехнулся.

— Как видите, пока еще не сумел избавиться от жизни, — ленивым голосом ответил он.

— А это так просто! — воскликнула Клавдия. Зеленоватые глаза ее сверкнули. Она засмеялась недобрый смехом.

— Просто? А именно? — спросил Логин. Клавдия сделала угловатый, резкий жест правой рукою около виска:

— Крак! — и готово.

Ее узко разрезанные глаза широко раскрылись, губы судорожно дрогнули, и по худощавому лицу пробежало быстрое выражение ужаса, словно она вдруг представила себе простреленную голову и мгновенную боль в виске.

— А! — протянул Логин. — Это, видите ли, для меня уж слишком просто. Да ведь этим и не избавишься ни от чего.

— Будто бы? — с угрюмою усмешкою спросила Клавдия.

— Есть запросы, жажда томит, не унять всего этого огнестрельным озорством... А может быть, просто ребяческий страх... глупое, неистребимое желание жить... впотьмах, в пустыне, только бы жить.

Клавдия взглянула на него пытливо, вздохнула и опустила глаза.

— Скажите, — заговорил опять Логин после короткого молчания, — вам жизнь какого цвета кажется и какого вкуса?

— Вкус и цвет? У жизни? — с удивлением спросила Клавдия.

— Ну да... Это же в моде — слияние ощущений...

— Ах, это... Пожалуй, вкус — приторный.

— Я думал, вы скажете: горький.

Клавдия усмехнулась.

— Нет, почему же! — сказала она.

Старые вязы наклоняли ветви, словно прислушиваясь к странному для них разговору. Но не слушали и не слышали. У них было свое. Стояли, безучастные к людям, бесстрастные, бездумные, со своею жизнью и тайною, а с темных ветвей их падала, как роса, отрясаемая ветром, прозрачная грусть.

— А цвет жизни? — спросил Логин.

— Зеленый и желтый, — быстро, не задумываясь, с какою-то даже злостью в голосе ответила Клавдия.

— Надежды и презрения?

— Нет, просто незрелости и увядания... Ах! — воскликнула она внезапно, как бы перебивая себя самое, — есть же где-то широкие горизонты!

— Нам-то с вами что до них? — угрюмо спросил Логин.

— Что?.. Душно мне — и страшно... Я заметила у себя в последнее время дурную повадку оглядываться на прошлое...

— И что же вам вспоминается?

— Картинки... милые! Детство — без любви, озлобленное. Юность — муки зависти, невозможность желаний... крушение надежд... идеалов! Да, идеалов, — не смейтесь, — были все-таки идеалы, — как ни странно... Вперед стараешься заглянуть — мрак.

— А над всем этим кипение страсти, — сказал Логин неопределенным тоном, не то насмешливо, не то равнодушно.

Клавдия задрожала. Ее глаза и потемнели, и зажглись бешенством.

— Страсти? — воскликнула она сдавленным голосом.

— Конечно! Вас томит не жажда истины, а просто, выражаясь грубо и прямо, страсть.

— Что вы говорите! Какая страсть? К чему?

— Неопределенные порывы, чувственное кипение... возраст такой, — да и пленено юное сердце демонической красотой очаровательного скептика.

— Вы про Палтусова?.. Если б вы знали, чем он был в моей жизни! Если бы вы могли это себе представить.

— Развивателем?

— Оставьте этот тон, — раздражительно сказала Клавдия.

— Простите, я ненарочно, — ответил Логин искренним голосом.

— Когда еще я была девочкою, — страстно и торопливо заговорила Клавдия, — когда он еще обращал на меня внимание не больше, чем на любую вещь в доме, я уже была захвачена чем-то в нем... мучительно захвачена. Что-то неотразимое, хищное, — как коршун захватывает цыпленка. Мне иногда хотелось... не знаю, чего хотелось... Дикие мечты зажигались... Впрочем, я всегда ненавидела его.

— За что?

— Разве можно это знать! Может быть, за пренебрежительную усмешку, за дерзость речи, за то, что мать... вы знаете, он имеет на нее влияние.

Клавдия улыбнулась странною, не то злою, не то смущенною улыбкою.

— За это особенно, — тихо сказал Логин, — ревность, не правда ли?

— Да, да, — порывисто и волнуясь отвечала Клавдия. — Потом, не знаю как, мы начали сходитья. Не помню, с чего это началось, — помню только мою злую радость. Долгие беседы, жуткие, жгучие, — поток новых мыслей, смелых, злых... Открылись заманчивые бездны... Но я ненавижу их... Я бы хотела бежать от всего этого!

— Куда?

— Почему же я знаю? Я вижу сны, я боюсь, — чего, сама не знаю... Точно боишься взять что-то чужое... А что мне она, эта жена его далекая, которая не живет с ним, которой я и не видела никогда!.. Может быть, она несчастна... или

утешилась?.. Стоишь точно перед рогаткою, за которую не велено входить... Он издевается над этим... суеверием...

— А вы знаете, — внезапно сказал Логин, переходя к другому, — и я был влюблен в вас.

— Да?

Клавдия принужденно засмеялась и покраснела.

— Благодарю за честь, — досадливо сказала она.

— Нет, в самом деле.

— Не сомневаюсь.

Логин слегка наклонился к ней и заговорил задушевым голосом:

— Не сердитесь на мои слова, — мне тяжело было терять и эти надежды. Я думал тогда: отчего для меня должно оставаться запрещенным счастье, широкое, вольное? Отчего не идти рука об руку со смелую подругою туда, где мечтались мне новые, широкие просторы? Отчего? — тихо спросил он и взял ее тонкую руку с длинными пальцами.

Клавдия не отымала руки. Плечи ее тихонько вздрагивали. Ее зеленоватые глаза горели.

— Да, — продолжал Логин, — мечтались мне широкие пути... И вдруг увидел я, что это было чувство, искусственно согретое...

Встал, прошелся по террасе. Клавдия молчала и следила за ним странно горящими глазами. Легкое веяние доносилось с реки. Ветви вязов слегка колыхались. Логин остановился перед Клавдиею.

— А впрочем, — сказал он, — мне кажется, для каждого из нас есть свой путь... трудный и неведомый.

— Покажите мне его! — с порывом несколько диким воскликнула Клавдия и протянула к нему руки широким и быстрым движением.

— Да я сам хотел бы, чтобы мне его открыли, — угрюмо сказал Логин. — Было время, мне казалось... В чих-то руках мерещился светоч...

— У вас есть свои светочи.

— В том-то и горе, что их нет. Мираж — все эти мои планы, — жажда обмануть свою душу...

— Какой светоч мерещился вам? — печально спросила Клавдия.

— Что-то неожиданное... Неизъяснимое очарование веяло... Что-то не русское, чуждое всему, что здесь... Я все ждал, что вот-вот случится необычайное, невозможное... Но ничего не случалось, — дни умирали однообразно и скучно, как всегда... Посмотрел я пристально в себя самого — и нашел в себе все ту же всечеловеческую дерзость, задорную и бессильную, и тот же тоскливый вопрос о родине... Идите к нему, — небо и землю создаст он вам.

Клавдия хотела ответить. Но раздались шаги и голоса приближающихся дам, и Клавдия промолчала.

Логин возвращался домой поздно ночью, по безлюдным и темным улицам. Думал о Клавдии. Щемящая жалость к ней наполняла его душу.

Отец Клавдии умер, когда ей было лет пять. Ее мать сошлась с инженером Палтусовым. Он был женат и не жил с женою. Кульчицкая выдавала его за двоюродного брата. Так прожили они несколько лет, то в нашем городе, то странствуя по чужим землям. В последнее время Палтусов охладел к увядающей красоте Кульчицкой. Его потянуло к Клавдии. Они начали сближаться как-то странно, словно враждуя друг с другом. Мать заметила их сближение. Начала ревновать. Клавдия не любила матери. Но ее тяготила мысль о бесправной связи, которую люди осудят.

Логин и сам, наверное, не знал, за что он жалеет эту девушку: за то ли, что мать ее никогда не любила и холодное детство обезобразило ее страстную душу? За то ли, что она полюбила чужого мужа, любовника ее матери, — и не могла разобраться в тех отношениях, которые порождены были этою любовью? За то ли, что Палтусов разбил в ней первоначальные верования и ничем не могла она заменить их?

Логин вспомнил, что нежная жалость к Клавдии давно томила его, — томила тем сильнее, что он чувствовал, как родственны их натуры. Эту жалость принял он когда-то за любовь к Клавдии. И так напряженно было это его чувство, что оно нашло себе отклик и в самой Клавдии. Между ними установилась странная полуоткровенность, взаимное испытывание друг друга, взаимная смута. Установилось и взаимное понимание с полуслова. Но ничего не вышло из этих напряженных отношений: назвать свое сближение любовью они не могли, а лгать себе самим не хотели.

Теперь Логин думал, что и не могла зажечься любовь в его преждевремененно одряхлевшем сердце. Давно уже привык он топить всякий порыв своего сердца в бесплодных и бессильных размышлениях, в ленивых и сладостных мечтах, в страданиях и утехах одиноких и странных, о которых он никому не мог рассказать. Он теперь ясно вспоминал, как быстро эта удивительная жалость к Клавдии претворилась в чувственное влечение, — и мечты окрасили это влечение жестокостью.

Угасло ли это низменное влечение теперь, он еще не знал, но уже уверен был в его незаконной природе. Заманчиво было бы бросить Клавдии год, два жгучих наслаждений, под которыми кипела бы иная, разбитая... ее любовь. А потом — угар, отчаяние, смерть... Так представлялось ему будущее, если бы он сошелся с Клавдиею... Чувствовалось ему, что невозможна была бы мирная жизнь его с нею, — слишком одинаковым злобным раздражением отравлены были бы оба, — и, может быть, оба одинаково трудно любили тех, от кого их отделяло так многое...

Но отчего ж все-таки он, усталый от жизни, не взял этого короткого и жгучего полусчастья-полубреда? Что из того, что за ним смерть? Ведь и раньше знал он, что идет к мучительным безднам, где должен погибнуть! Что отвращало его от этой бездны? Бессилие? Надежда?

Перед ним раскрывались иногда в его мечтаниях иные, доверчиво-чистые глаза, светилась ласковая улыбка. Может быть, это зажигалась чистая, спасительная любовь, но не верил в нее Логин. Чужой, далекий свет являлся в тех доверчивых глазах, и бездна казалась ему непреходимою...

Логин жил на краю города, в маленьком домике. В мезонине устроил кабинет; там и спал; в подвальном этаже была кухня и помещение для служанки; середину дома занимали комнаты, где Логин обедал и принимал гостей. Наверх к себе приглашал немногих. Здесь он жил: мечтал, читал.

Книжные шкафы и полки для книг занимали много места в кабинете. На этажерке лежало десятка полтора новых книг. Еще немногие из них были разрезаны. Письменный стол наполовину загромождали тетради, справочные книги, учебники.

— Когда? — угрюмо спросил Логин.

— Да в прошлое воскресенье, — объясняла Ульяна, словно досадовала на его забывчивость, — когда вы у наших господ в гостях были.

— Что за вздор!

— В коридоре меня встретили да и говорят: приходи, мол, в среду вечером, ждать буду — вот я и пришла. Раньше никак не способно было, — в силу вырвалась.

— Тебе послышалось, — лениво сказал Логин. — На что ты мне?

Ульяна звонко засмеялась. Назойливый смех дразнил и обольщал Логина. Он смотрел на Ульяну с недоумением и досадою. Она была такая розовая и пышная, от нее точно веяло жаром. Темные косы выбивались из-под платочка. А кончики платочка торчали в разные стороны, и узел расплзался...

Розовый туман опять начал расстилаться перед глазами Логина. Голова сладко и томно закружилась. Фигура Ульяны расплывалась в тумане.